

лака, или какое-нибудь сгущение воздуха, или сжатие произведет у тебя молнию, а расторжение гром? Или назовешь какой-нибудь сжатый и потом не находящий себе выхода ветер, который, будучи сжимаемым, блистает молнией и, вырываясь, издает гром?

Но если ты прошел умом воздух и все, что в воздухе, то коснись уже со мной неба и небесного? Но здесь да водит нас более вера, нежели разум, если только уразумел ты свою немощь, когда рассматривал ближайшее к тебе и узнал способ узнать то, что выше разума, а не остаться вовсе земным и преданным земному, не знающим даже и этого самого – своего незнания? Кто округлил небо, расставил звезды? Лучше же сказать, что такое само небо и звезды? Можешь ли сказать это ты, человек высокопарный, который не знает и того, что у него под ногами, не может привести в меру себя самого, а любопытствует о том, что выше твоей природы, и желал бы объять неизмеримое? Положим, что постигнуты тобой круги, круговращения, приближения и отдаления, восхождения звезд и солнца, какие-то части и их подразделения и все то, за что превозносишь ты чудную науку свою, но это не уразумение еще сущего, а только наблюдение за каким-то движением, подтвержденное долговременным упражнением, приводящее к единству наблюдения многих, а потом придумавшее закон и возвеличенное именем науки; так, видоизменения Луны стали известными для многих, и зрение¹⁰ принято за начало познания! Но если ты очень знающ в этом и хочешь, чтобы удивлялись тебе по праву, скажи, какая причина такого устройства и движения? Отчего Солнце поставлено в знамение целой Вселенной и перед взором всякого, как вождь сонма, светлостью своей затмевающий прочие звезды более, нежели сколько затмеваются они некоторыми из них самих, чему доказательством служит то, что хотя звезды и сами светят, однако же Солнце превосходит их светом, и звезды не видимы, как скоро восходят вместе с Солнцем? Оно прекрасно, как жених, быстро и велико, как исполин (не могу заимствовать ему похвалы из другого писания, кроме моего (Пс. 18, 6); такова его сила, что от края до края все объемлет своей теплотой, и ничто не может не ощущать его, напротив, все им исполняется, и зрение – светом, и телесное естество теплотой, между тем как оно согревает, но не сжигает, по причине своего кроткого благораспорядка и стройного движения, для всех открыто и всех равно объемлет. Но рассуждал ли ты об этой мысли? Солнце в чувственном то же, что Бог в мысленном, сказал один из ненаших. Оно просвещает взор, как Бог ум, и всего прекраснее в видимом, как Бог в умосозерцательном. Но чем первоначально приведено Солнце в движение? Чем непрестанно движется и вращается оно – неизменное в своем законе, в подлинном смысле неподвижное, неутомимое, живоносное и, как справедливо воспевают стихотворцы, живородящее, никогда не прекращающее ни движений, ни благодеяний своих? Как творит оно день на земле и ночь под землей? Или не знаю, как надобно выразиться, смотря на солнце. Что значит это прибавление и убавление дней и ночей, это (употреблю несколько странное выражение) равенство в неравенстве? Как солнце производит и разделяет времена года, которые чинно приближаются и удаляются, и будто в хороводе друг с другом то сходятся, то расходятся, сходятся по закону любви, расходятся по закону благочиния, даже постепенно между собой сливаются и неприметно приближаются, подобно наступающим дням и ночам, чтобы внезапною своей не произвести скорбного ощущения? Но оставим Солнце. Познал ли ты естество и видоизменения Луны, меру света ее и пути? И как солнце властвует над днем, а она начальствует над ночью? Одна дает смелость зверям, другое восстанавливает человека на дело, что когда наиболее полезно, то возвышаясь, то понижаясь? Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль (Иов. 38, 31), как и исчислить множество звезд и всех их именами назвать (Пс. 146, 4), как знающий различие каждой звезды и чин ее движения, чтоб мог я поверить тебе, когда по звездам определяешь нашу судьбу и тварь вооружаешь на Творца?

Что скажем? Остановить ли нам слово здесь – на веществе и видимом? Или поскольку Моисеева скиния наименована в Слове противоположным целого мира, то есть совокупности видимого и невидимого (Евр. 9, 24), то, проникнув за первую завесу и взойдя выше чувственного, проникнуть нам во святая – в мысленное и небесное естество? Но и его, хотя оно и не телесно, не можем видеть нетелесным образом, почему называется оно огнем и духом, или и действительно таково. Ибо говорится, что творит Ангелами Своими духов и слугителями Своими огонь пылающий (Пс. 106, 4), разве творить значит здесь не более как сохранять в подчинении закону, по которому созданы; духом же и огнем называется естество это, частью как мысленное, а частью как очиститель-

¹⁰ Опыт.